

Повседневная жизнь начальника русской артиллерии Я.В. Брюса в годы Северной войны

Деятельность выдающегося сподвижника Петра Великого, второго генерал-фельдцейхмейстера российской армии Я.В. Брюса на военном и государственном поприще освещена в исторической литературе достаточно широко¹. Тем не менее, повседневная жизнь этого военачальника, как, впрочем, и всего генералитета петровского времени, требует специального изучения. Особенно актуальным такое исследование становится в условиях растущего интереса к структурам повседневности различных эпох. Переписка Я.В. Брюса содержит скудную, но от этого еще более интересную информацию о повседневной и личной жизни будущего русского генерал-фельдцейхмейстера во время его участия в боевых действиях на фронтах Северной войны. Эти письма отложились в Архиве ВИМАИВиВС. Самые ранние из них относятся к назначению Я.В. Брюса начальником русской артиллерии и второму походу под Нарву (1704 г.) самые поздние – к 1713 г. (с 1714 г. Я.В. Брюс участия в боевых действиях не принимал).

Через Приказ артиллерии, которым руководил с 1704 г., Я.В. Брюс получал редкие весточки из дома от своей супруги Марфы Андреевны (Маргариты) (1675–1728). Она была замужем за Яковом Вилимовичем с 1694 г. Дочь генерал-поручика от кавалерии на русской службе, эстонца по происхождению Генриха Цеге фон Мантейфель – Марфа Андреевна не понаслышке знала тяготы походной жизни и старалась хоть как-то скрасить военные будни мужа.

Эта трогательная забота проявлялась, прежде всего, в мелочах. Так, например, с Е. Зыбиным она послала Якову Вилимовичу «бутылию с воткою» в туюске и «ведерко с калачами»².

4 января 1706 г. подьячий А. Брылкин писал Брюсу в Гродно: «Государыня моя, Марфа Андреевна, в добром здравии и в доме твоём милостию Божией все сохранны. Известно тебе, государь, буди. Государь (Петр I. – С.Е.) изволил славить в доме твоём декабря в 29 день в первом часу дня. Зело изволил увеселиться, и убрано было кушанье, также и напиткам зело изрядно. Назавтрее изволил кушать царевич (Алексей Петрович. – С.Е.) и забавлялись с великим веселием, танцевали и в лешотки играли до полуночи»³.

Марфа Андреевна достойно приняла гостей в отсутствие мужа и смогла потрафить развеселой компании славильщиков во главе с самим государем. Даже суровый князь-кесарь Ф.Ю. Ромодановский отписал Брюсу: «В доме твоём славили и все, слава Богу, исправили добре»⁴.

В то время, когда в Москве праздновали Новый год артиллерийской стрельбой и гуляниями и «потеха была», Я.В. Брюс находился в Гродно. Тем не менее, даже из осажденного гродненского лагеря, Я.В. Брюс смог передать через курьеров князя Меншикова грамотку супруге⁵. Спустя некоторое время (18 марта) Брюс вновь просил князя: «Когда явится случай отписать бы к Москве, дабы домашним моим ведомо было, что еще в живущих обретається тот, который повсегда называется вашего сиятельства (то есть, сам Брюс. – С.Е.)»⁶.

Многие месяцы войны Я.В. Брюс ни разу не был дома и не видел свою супругу. Беспокоясь за нее, он приказывал дьяку Н.П. Павлову сообщать в письмах о домашних делах. С 5 декабря 1706 г. практически все письма дьяка содержат стандартные приписки: «А в приказе..., также и в доме милости твоей по нижеписанное число милостию Божиею все в добром сохранении»⁷.

Донося об отправленной «в поход» почте, стольник Яков Порошин сообщал, что с письмом отправлена «грамотка из дому твоего, государя моего, от сожительницы твоей»⁸.

В 1707 г. Я.В. Брюс смог наконец-то встретиться с любимой супругой Марфой Андреевной. Пользуясь затишьем на театре военных действий, он пригласил жену приехать в Жолкву. Путешествие продолжалось довольно долго из-за того, что она «в Калуге заскорбела (заболела. – С.Е.)» и даже «посылала к Москве за доктором»⁹.

В конце января 1707 г. генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев отдал командирам полков распоряжение оказывать М.А. Брюсу содействие в поездке, выделять ей лошадей и провожатых. В феврале супруги наконец-то встретились.

Заботясь о перенесшей болезнь супруге, Я.В. Брюс приказал прислать из Москвы «зенилинц (женьшеня. – С.Е.) 2 фунта, которое привозят из Сибири». При этом Яков Вилимович не считался даже с высокой ценой чудодейственного корня. «А преж сего такое коренье в покупке было фунт по 20 рублей, а ныне ежели по той цене не сыщешь, то хотя и дорожей купя, и, всеконечно, присылай не умедляв»¹⁰, – писал он дьяку Павлову.

Спустя некоторое время Я.В. Брюс просит прислать по 3 фунта чаю и кофе, для него же было приобретено 2 пуда «кенарского» (канарского) сахара. К столу военачальника из Москвы доставлялась белорыбица («рыбы белуги 2 теша да 2 ящика икры, 6 спинок осетровых») ¹¹.

Я.В. Брюса в походе сопровождал собственный повар. В 1711 г. он по болезни задержался в Эльбинге, и начальник артиллерии просил коменданта города генерала Ф.Н. Балка как можно скорее отправить повара к нему в поход («имею в нем нужду») ¹².

Нередко Якову Вилимовичу приходилось довольствоваться скудным пайком. Так, например, возвращаясь в августе 1713 г. из Померанского похода, он вынужден был по сенатскому указу выдержать многодневный карантин в охваченной эпидемией Лифляндии. «В каком я пустом местечке стою, что ничего к пропитанию себя и людей, которых при мне довольно имею, достать невозможно», – жаловался генерал-фельдцейхмейстер. На помощь пришел нарвский комендант Кирилл Нарышкин. По его распоряжению из Нарвы были привезены и оставлены в условленном месте (из рук в руки ничего не передавалось, и даже письма окуривались дымом можжевельника) следующие продукты: «2 куры индейский (индюка. – С.Е.), 1 гусь, 3 утки, 20 куриц русских, 5 баранов, 30

калачев, 30 хлебов ситных, 2 ведра меду вареного, 50 яиц, 10 ведер пива». В письме комендант просил всю указанную провизию «во здравье употреблять»¹³.

В начале октября 1707 г. Я.В. Брюс направился на «зимние квартиры» в Борисов, стоявшей на берегу р. Березины – еще одном водном рубеже, где планировалось сдерживать шведское наступление. В письме Н.И. Репнину начальник артиллерии сообщал: «И я... побреду в оное место, которое не лутчей деревни московской»¹⁴. В письме князю В.В. Долгорукому Я.В. Брюс дает меткое ироническое определение своей новой квартире: «Сказывают – оное второй Париж и гораздо еще лучшей нашего славного города Клина»¹⁵.

Об условиях размещения генеральского состава на квартирах можно судить из письма Я.В. Брюса генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву. Начальник артиллерии выбрал себе квартиру из «генеральских» в м. Чашники, в ней была горница с комнатой, небольшая светелка и «черная изба» на улице. То есть условия более чем скромные. В таких же условиях жили и прочие царские «министры» («дворы... те таковы плохи, что никогда не пожелаешь тут стоять»)¹⁶.

Частые переезды и необходимость вести переписку в походных условиях заставляли Я.В. Брюса позаботиться хотя бы о некоторых дорожных удобствах. Он увидел у князя А.Д. Меншикова походную шкатулку для письменных принадлежностей и письма («шреbn шапел») и попросил своего родственника ивангородского коменданта А.Ю. Инглиса сделать для него такую же. Будучи человеком экономным, Яков Вилимович просил подрядить работу не за 40 рублей, а за 30, причем хотел получить в результате более дорогую ореховую шкатулку¹⁷.

Брюс подробно проинструментировал, как изготовить шкатулку, «сделать оковку и кольца к ящикам, положив против того ж образца, как строено у князя Александра Даниловича, буде там положены кольца серебряные, и у того також учинить, чтоб были кольца серебряные ж; и все учинить против того образца»¹⁸. Должно быть, шкатулка Меншикова была незаменимым предметом быта в походной жизни, и Брюс хотел получить именно такую же.

В походах начальник артиллерии передвигался верхом на лошадах и в походной карете. Интересна история с коляской и каретой Я.В. Брюса, которые остались в завоеванной русскими Нарве. Скорее всего карета оказалась среди полученного им имущества, и он поспешил отправить ее в Новгород. «Пожалуй, государь братец, – писал Брюс А.Ю. Инглису, – коляску и карету, которые есть в Нарве, прикажи их отвести в Новгород на подводах, которые из Новагорода станут привозить палубы, и изволишь послать за ними проводить солдата добра, чтоб чего не испортили дорогою»¹⁹. Необходимые распоряжения о доставке кареты и походной палатки были даны и новгородским служителям Брюса²⁰.

Однако пока шла переписка насчет отправки кареты в Новгород, Я.В. Брюс забрал ее себе, а возможно, получил в числе поделенного имущества. Во всяком случае новгородский служитель Я.В. Брюса писал своему господину, что «тое карету Роман Вилимович изволил взять в Питербурх», где, как следует полагать, она оказалась ему более необходима, чем брату²¹.

Со временем, как и многие высшие офицеры российской армии, Я.В. Брюс обзавелся удобной каретой. «Эта «машина» – настоящая колесница во всех отношениях, только ее дно достаточно широко, чтобы можно было бы лечь во всю длину на кровати. Как я потом узнал, у каждого офицера русской армии есть такая повозка, которая необходима во время долгих походов по плохо устроенным странам»²², – так описал средство передвижения начальника артиллерии его дальний родственник П.Г. Брюс.

Однако и эта «машина» не выдерживала длительных переездов. Брюсу пришлось выписать из Москвы два стекла «на окончики» в карету (скорее всего, взамен разбитых)²³.

Благодаря переписке Я.В. Брюса, а также письмам Марфы Андреевны к родственникам, мы можем получить представление о гардеробе главы артиллерийского ведомства.

Яков Вилимович одевался со вкусом и старался даже в походных условиях следовать новинкам моды. Приказные служители просили его уведомить, из какого цвета сукна делать генеральский мундир и как расшивать – золотом или серебром. По поручению Брюса ему в поход были присланы чулки «отделкою нарочиты». На все мундиры нашивались кавалерские звезды (Белого Орла и Св. Андрея Первозванного), образец которых для своего мундира утвердил лично Яков Вилимович²⁴.

Сын канцлера А.Г. Головкин по просьбе Брюса заказал ему роскошный бархатный кафтан, расшитый серебром, предварительно «осмотря сперва многих мастеров рисунки для вышивания», и штаны на общую сумму 130 талеров²⁵.

Яков Вилимович попросил полковника А.В. Шарфа (вероятно, своего земляка-шотландца) купить в Вильне «какова ни есть стофа (штофа. – С.Е.) шерстяного с шелком и с золотцем или серебром, ... два розным цветом». За эталон для подражания, как и в истории с шкатулкой, взят князь А.Д. Меншиков: «А видел я такие у Александра Даниловича, и сказывал мне, что куплены оные [в] Вильне»²⁶.

Для изготовления шлафрока Брюс просит дьяка Н.П. Павлова приобрести высококачественного беличьего меха. Из Москвы Брюсу присылают белый парик, пистолеты, завесы китайские, 9 аршин красного «понсового» сукна²⁷.

Я.В. Брюс

Из Кенигсберга Я.В. Брюс выписал удобную коляску. Для своего домашнего обихода он просил прислать из Москвы «ренскова две бочки ис пряных, только чтоб было не кисло, ценою не свыше 30 рублей бочку»²⁸. Вторая коляска (вероятно, запасная и предназначенная для возвращения Марфы Андреевны в Москву) была приобретена для Брюса у князя Б.И. Куракина, отправлявшегося с дипломатической миссией в Ватикан²⁹.

В конце октября 1707 г. Брюс заказал (неизвестно, для себя или для супруги) в Москве лекарство, о чем писал Н.П. Павлову: «По посланной росписи, пожалуй, прикажи в верхней в аптеке или у Ивана Григорьева сделать лекаство четвертую долю. И ежели оная доля станет ценою ниже пяти рублей, то прикажи сделать хоть оных в 1/2 доли. А что оно мне надобно просто в аптеке сказывать не для чего. И ежели тебе свободно, пожалуй, сам за оным походи или прикажи Трофимову. А зделав, положи в удобное влагалище, пришли сюда чрез почту без замедления, понеже в оном имею немалую нужду»³⁰.

Надо полагать, что Я.В. Брюс был сведущ в лекарственных средствах. Так, например, он порекомендовал А.Д. Меншикову, страдавшему легочной болезнью, принимать лекарственную водку и даже сам заказал ее в Москве. «При сем письме, – писал Н.П. Павлову, – посланное от меня письмо в Немецкую слободу отвези сам и отдай тетке моей по подписке неумедля. И которую лекарственную вотку по оному письму она тебе отдаст, ежели похочет, заплати ей деньги, положи их в два или в три ящика, и чтоб не раздавилась склянка, сюда в поход с письмом сиятельного господина (А.Д. Меншикова. – С.Е.) пришли чрез почту. И чтоб их довести в [целости бы] положь сена, понеже оные возки надобно ко употреблению его сиятельству. А что они надобны ему, только отнюдь оно не сказывай»³¹.

Дьяк выполнил распоряжение, «обертя в пенку и учредя в деревянный ящик, послал» «водки скляночку круглую»³².

Иногда болезнь одолевала и самого Якова Вилимовича. «За проклятою подагрой, которою одержим был более четырех недель, а потом припала было горячка, от которой у меня так было повредились глаза, что долгое время не мог оных к многому чтанию и писанию употребить», – оправдывался Брюс перед государем за задержку в переводе книги. Б.П. Шереметеву начальник артиллерии сетовал, что долгое время из-за болезни не только говорить, но и писать не мог³³. В марте 1708 г. Яков Вилимович писал брату в Санкт-Петербург, что вновь «одержим подагрой»³⁴.

Осенью 1707 г. супруга Якова Вилимовича вернулась в Москву, а 2 февраля 1708 г. дьяки Никита Павлов и Иван Козлов поздравили своего начальника с новорожденной дочерью Натальей («поздравляем тебя государь, с новорожденной дочерью твоею, а нашей государыней Наталией Яковлевной») ³⁵.

Подчиненные Брюса, остававшиеся в Москве, постоянно информировали своего начальника о его жене и дочери. Ануфрий Брылкин сообщал: «Марфа Андреевна и Наталья Яковлевна в добром здравии», «в доме все сохранно». Ефим Зыбин писал Я.В. Брюсу, что «госпожа генеральша Марфа Андреевна в козельских вотчинах в добром здравии». Из другого письма можно узнать, что супруга Брюса проводила летние месяцы в с. Плохине³⁶. Московский комендант князь М.П. Гагарин лично изволил отписать о добром здравии жены и дочери Я.В. Брюса³⁷.

Со своим братом Романом Я.В. Брюс более или менее регулярно обменивался письмами. Как правило, это в основном деловая корреспонденция, относительно выполнения различных распоряжений, снабжения армии, перевозки боеприпасов и артиллерии и т.п. Тем не менее она содержит сведения и личного характера.

В одном из писем Я.В. Брюс поздравил брата с радостным событием – рождением сына Александра. «Поздравляю тебя, братец, Богом данным сыном и зело радуюсь о том, что он тебе честь сделал восприемнить»³⁸, – писал он в Санкт-Петербург.

В 1712 г. по просьбе Романа, находясь в заграничном походе, Яков Вилимович подыскивал для своего подросткового племянника домашнего учителя из немецких студентов («молодаго и смирнаго штудиоза, который бы мог быть в доме моем для ученья моего сына Александра», «нарочитого, который бы по-немецки и по-французски мог учить») ³⁹.

Яков Брюс увидел в росписи пленных шведов за 1708 г., присланной генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным из Санкт-Петербурга, имя капитана Андрея Брюса. Узнав, что в русском плену оказался некий однофамилец, генерал попросил брата Романа разузнать поподробней «о взятом капитане Брюсе, из Шкоцкой (Шотландской. – С.Е.) ли он земли родом и которого дому». В надежде, что пленный окажется родственником, Яков Вилимович писал Роману: «И ежели помянутый капитан Брюс выезжий из Шкоцкой земли, то я его не оставлю»⁴⁰.

Брюсы посылали друг другу небольшие подарки. В сентябре 1713 г. Яков Вилимович послал Роману «табакерку серебряную да самого доброго табака фунт»⁴¹.

Вероятно, в 1712 г. братья стали вести часть корреспонденции «цифирной азбукой» (шифром). Роман первый попросил Якова Брюса прислать «цифирь» («по которой бы я мог к вам писать о всем обстоятельней») ⁴².

Вряд ли братья собирались вести переписку о чем-то противозаконном. Как правило, шифры были очень простые и легко «взламывались» компетентными лицами, которые вели перлюстрацию корреспонденции на государственном уровне. Скорее всего, Яков и Роман хотели избежать обывательского любопытства со стороны секретарей, посыльных и слуг. Заметим, что к середине 1710-х гг. шифрами для частной переписки обзавелись многие из состава правящей элиты российского государства.

Все лето и начало осени 1706 г. Роман Вилимович был занят подготовкой похода на Выборг. Снабдить всем необходимым собираемые в Санкт-Петербурге войска было крайне трудно. В сентябре 1706 г. драгунский полковник граф Шомбург пожаловался Меншикову на Р.В. Брюса, заявив, что драгуны «безоружейны, и безлошадны, и безодежны». Князь разгневался на петербургского коменданта, кроме того масла в огонь подлили некие «доброхоты». Они обвиняли Романа Вилимовича в том, что он строить свои хоромы по деревням, «оставя хоромы губернаторские». Вероятно, это взбесило Меншикова, для которого строительство собственных палат в Санкт-Петербурге было важнее, пожалуй, строительства самой крепости.

Р.В. Брюс оправдывался перед братом: «Хотя бы я скота был глупее, я бы того не учинил». Он клялся под угрозой лишения чина и чести, что строит дом не для себя, а для губернатора князя Меншикова: «И тот дом не себе я строил, построен для приезда его сиятельства; мне не в вотчину Санкт-Петербург дан».

Зная расположение светлейшего князя к брату, Роман Вилимович просил его о заступничестве перед Меншиковым от «ненавистников и лживцев», а также заверял, что «все полки удовольствованы будут к походу»⁴³.

Находясь на театре военных действий, Яков Вилимович продолжал заниматься своими личными хозяйственными делами, связанными с управлением поместьями и вотчинами. После взятия Нарвы Петр I пожаловал Я. Брюсу в новозавоеванном городе и его окрестностях какие-то земельные владения и постройки с имуществом. Скорее всего, эти пожалования производились из числа конфискованных владений шведских дворян и бюргеров. Поскольку Нарва была взята штурмом, а не сдалась на условиях почетной капитуляции, новые русские власти с собственностью победленных особенно не церемонились.

Ведение своих имущественных и хозяйственных дел он поручил своему родственнику ивангородскому комendantу А.Ю. Инглису. Вскоре тот сообщил Якову Вилимовичу, что зерно и вино в его доме стали портиться и просил на этот счет распоряжений: «Писал наперед сего к милости твоей многажды про питье, которое стоит под палатами. Церковное и сект (сорта вин. – С.Е.) попортились, потому что неплотна были втулки. Прикажешь ли то питье подделать? А из большова боченка, который стоял под палатою, церковного блиско половины вытекло. А большая бочка, которая стояла в погребе с церковным, и та на четверть аршина не полна. Також ды писал я к милости твоей, что рожь и ячмень, и солод стал портиться. Прикажешь ли продать? И ко мне от милости твоей отповеди не бывало. Пожалуй, прикажи о том отписать»⁴⁴.

Получив известие, что его имущество подвергается порче, Брюс поспешил сделать необходимые распоряжения Инглису: «Прикажи то питье подделать как возможно; рожь и ячмень, буде возможно, кому взаймы отдать, с роспискою, тутошним жителем, також и солод, а буде отдать кому невозможно, изволишь продать, а буде тебе какая нужда в том есть, изволь взять сколько понадобится»⁴⁵.

Кроме продовольственных запасов в нарвском доме хранились какие-то «чугунные и медные котлы и сталь». Все это Брюс распорядился продать, оставив лишь часть для «домашенных нужд». Прочее имущество Яков Вилимович решил разделить с братом Романом⁴⁶.

А.Ю. Инглис занимался также строительством загородного дома-усадьбы Я.В. Брюса. «Загородный дом твой совсем построен и забор сделан около всего двора кругом, а хоромы и поварню, и крылец – все покрыл тесом»⁴⁷, – писал он Брюсу о выполненных строительных работах.

Яков Вилимович сердечно благодарил его за хлопоты: «За труд милости твоей, государь братец, благодарен, что изволил двор мой загородной построить; и что убытка за то строение стало, о том изволь ко мне отписать; и я милости твоей плательщик»⁴⁸.

Кроме полученных владений в Нарве (городской и загородный дом с землей) и дома в Немецкой слободе у Брюса, за несколько лет его воеводства в Новгороде, появилось домашнее хозяйство (дом, конюшни, сад и т.п.), которым также необходимо было управлять даже во время войны. Брюс вникал во все подробности этого управления, хотя основное бремя забот по хозяйству легло на плечи Марфы Андреевны. Новгородский управляющий М.С. Желобовский писал Брюсу: «А сколько в тех деревнях дворов и крестьян отказано за милость твою, и тому послал я с отказных книг выпись за дьячею рукою к Марфе Андреевне»⁴⁹.

Еще в 1705 г. от князя М.И. Вадбольского Яков Вилимович узнал о выморочных поместьях Федора Пущина, Ивана Клементьева и Юрия Негоновского в новгородских землях (всего более 1100 четвертей земли). В начале января 1706 г. Вадбольский советовал «побить о поместьях челом»⁵⁰.

Вероятно тогда же Брюс, получив точные сведения о землях и крепостных крестьянах на них по писцовым и переписным книгам, обратился с челобитной об отдаче этих поместий ему. Учитывая, что по некоторым поместьям были тяжбы с дальними родственниками прежних владельцев и с Иверским монастырем, дело тянулось, по крайней мере, до весны 1706 г.⁵¹

Однако летом 1706 г. новгородский управляющий М.С. Желобовский сообщал своему хозяину Я.В. Брюсу, что «в усадьбах у милости твоей по се число, дай Бог, здорово». Была засеяна яровая пашня даже больше, чем при прежних владельцах. Заканчивался посев ржи. Для домашнего обихода было заготовлено 1500 копен сена. Часть лугов была отдана под сенокос «на оброк». Жизнь крепостных крестьян в новгородских поместьях Брюса была, вероятно, лучше, чем у соседей. Так, бежавшие за польский рубеж крепостные помещика Ивана Нелединского прислали к управляющему именьями Брюса крестьянина для переговоров. Они хотели поселиться на новгородских землях Якова Вилимовича («семей с 20»). Скорее всего, в том же году Брюсу, по совету Желобовского, удалось отписать на себя и новгородский дом И. Клементьева⁵².

Брюс старался вникать во все мелочи управления своими владениями. Без его ведома управляющий не решался назначить даже садовника: «Изволил ты, государь, писать ко мне, чтоб на убылое место в садовники к шатерническому саду принял посадского человека. И о сем буди тебе, государь, известно, после того умершего садовника жена, бедная вдовица, после смерти мужа своего принята к дочери своей. И в садовники ради их сиротства тот ее зять приверстан. И о сем как ты, государь, изволишь, так и будет»⁵³.

Другой управляющий Брюса Андрей Юдин доносил своему хозяину: «Сено на твоих пожнях покошено одними дворцовыми крестьяны, а косцов я дал 50 человек. И стерегут того сена дворцовые крестьяны. И к твоему, государь, приезду в Новгород приготовил живности. И что надлежит к домовому управлению, ни зачем не станет. А капуста и огурцов про твой обиход будет у меня довольно»⁵⁴.

За время отсутствия Я.В. Брюса его новгородские служители, по-видимому, стали позволять себе слишком много вольностей. В одном из писем Брюс строго выговаривал М.С. Желобовскому за расточительный образ жизни: «Слышно мне есть, что ты гораздо мотовато живешь; и ты себе в том имей опасение, чтоб в бесчестье не

пасть»⁵⁵. Управляющий А. Юдин поспешил «подстраховаться» и отписал своему господину: «А естли, государь, какое тебе на меня доношение будет неправедное, и то в грехе обличится»⁵⁶.

Современники отмечали любовь Я.В. Брюса к лошадям. Действительно, во многих письмах начальник артиллерии отдает различные поручения своим подчиненным, связанные с покупкой, обменом и лечением его собственных лошадей. Хорошая лошадь поднимала престиж владельца среди генералитета, высших офицерских чинов и местного дворянства. Брюс старался, чтобы его конюшня состояла только из породистых и холеных лошадей.

Узнав, что купленный им жеребец приведен в Москву «гораздо хвор и несытен», Яков Вилимович спешно отправил инструкцию по его лечению. В ней явно прослеживается широкий кругозор этого человека, разбирающегося даже в ветеринарии. «Антимонию и селитры взять поровну и, истолча, просеять, дабы мелко было, и смешать хорошенько вместе. Потом взять горшок немалой, дабы та материя тожко половину оного заняла. Потом бросить на оную материя горящей уголь, от чего материя загорится, и пойдет дым великой, которого дыму беретца надлежит. А как перестанет гореть, то, простудя, истолочь намелко и давать оного порошка лошади по семи золотников на тощей живот чрез день недели з две. Вышписанную материя надлежит на дворе жечь и, усмотрев с какой стороны ветер, с той стороны и человеку зажигающему стать, дабы ему дым в нос не попал. Ежели надеяться можно, что горшок крепок, то возможно оной покрыть доскою железною»⁵⁷, – писал он своим подчиненным.

Из переписки с М.С. Желобовским можно узнать, что у Я.В. Брюса в Новгороде была своя конюшня: «А лошадей... ныне у нас на стойле восмеро: трое вороных, возникнов старых – два возникна, что из Нарвы приведены, два жеребца – вороной и гнедой, что из Нарвы же приведены, под собою оба досужи, да швецкой жеребенок, который приведен ис под Шлиссельбурха, собою хорош, только мало езжали на нем. Да мелких езжалых 17 лошадей, которые отданы в прокорм к архиерею и дворянам. А серый конь, что Якова Андреевича, отдан в стадо еще с весны. А сена ныне поставлено у нас гораздо больше прошлогоднего, потому что травы были хороши, да и старого сена, чаю, что будет у нас до зимнего Николаева дни»⁵⁸.

Многие письма Брюса содержат его распоряжения относительно содержания лошадей и ухода за ними. Так, например, только в Смоленске и Рославле стояло 50 лошадей, принадлежавших Брюсу. Из его личных средств была выделена сумма денег на покупку овса, лошади были «довольны кормом и сыты», а для профилактики болезней им выстригли уши и гривы⁵⁹. Чтобы спасти своих лошадей в Новгороде от падежа во время «конского мора», Брюс приказал управляющему перевести большинство из них в Москву⁶⁰.

Надо полагать, что Яков Вилимович вообще любил животных. Скучая в походе, Брюс просил прислать ему любимых собак. В письме А. Зыбина содержится информация об отправке начальнику артиллерии двух собак, одну из них звали Жучка⁶¹.

Даже находясь далеко от двора, Я.В. Брюс старался поддерживать дружественные отношения с властью предрешающими и особенно с находящимися в царском фаворе сподвижниками Петра I.

Добрые отношения Я.В. Брюса со светлейшим князем А.Д. Меншиковым к 1706 г. переросли в приятельские. Этому способствовала походная жизнь, придающая общению между людьми одного круга большую ценность, а также обоюдное участие в гродненской эпопее. Оба военачальника были почти ровесниками и отличались живым общительным характером. Они не принадлежали к старомосковской знати, не кичились своей родовитостью и свое положение в обществе целиком связывали со своими личными заслугами и верным служением государю.

Обладая несомненным дипломатическим талантом и определенным политическим чутьем, Брюс отчетливо понимал, что А.Д. Меншиков становится одним из самых влиятельных людей в государстве.

Князь обменивался с Яковом Вилимовичем шутивными письмами. «Зело удивлен, – писал А.Д. Меншиков, – что ваша милость к нам отпустил столько пороху, сколько к стрельбе против неприятеля надлежит. Или не может господин генерал разсудить, что иногда и мы не насухе лежим, и в то время чем про ваше здоровье стрелять. О сем прошу благого рассуждения»⁶². 20 июля 1706 г. Брюс в тон Меншикову отвечал: «Желею, что малое число пороха послал, которым от неприятеля поборониться возможно, а для лутчего совс[ем] с Ивашкою Хмельницким ничего не отпустил. И в том есть совершенная вина моя. Только есть причина тому, что и вышписанный порох займывал. А ныне, по получении своего пороха для лутчаго возбуждения дружбы с Бахусом послал я к вашему сиятельству 3 бочки пороха, в которых содержится по 80 выстрелов на всякую пушку, которые посланы к вашему сиятельству. А буде сим да невозможно будет Ивашку к союзу (союзу. – С.Е.) привести, и мы впредь вашему сиятельству услужим же»⁶³.

Днями спустя Александр Данилович благодарил Брюса за присылку пороху и в шутку жаловался, что все запасы выпивки для «исполнения Бахусова закона» кончаются, «а впредь взять негде». Остается только забавляться охотой на диких коз, которых убивали до 50 штук в день⁶⁴.

18 августа 1706 г. в Киеве состоялась свадьба А.Д. Меншикова с Дарьей Михайловной Арсеньевой. Брюс в эти дни находился там же и не мог не присутствовать на бракосочетании. С этого времени Яков Вилимович состоял в самых дружеских отношениях с Дарьей Михайловной.

В сентябре того же года Яков Вилимович, приехавший во Львов, выполнил ряд поручений князя. Он закупил для него отборного венгерского вина, парадную конскую упряжь, карету с шестеркой «вороно-пегих» лошадей⁶⁵.

По просьбе светлейшего Брюс заменил его на крестинах новорожденного сына генерала фон Вредена, так как тот был занят делами⁶⁶. В марте 1708 г. в подарок князю А.Д. Меншикову Брюс послал «глобосов московской работы»⁶⁷.

Почти раболепным письмом он поздравляет светлейшего князя А.Д. Меншикова с пожалованием ему «княжества Ингерманлантцкого»⁶⁸. Ко дню именин князя он отправляет в его ставку полковника И.Я. Гинтера с отрядом артиллеристов, запасом пороха и снаряжением для устройства фейерверка. При этом Брюс подробно расписыва-

ет, что необходимо приготовить, каких размеров и в каком количестве. Через некоторое время Я.В. Брюс сам отправляется поздравить светлейшего с именинами⁶⁹.

Яков Вилимович в единственном сохранившемся письме брату Роману Брюсу за 1707 г., пытаясь отвести от него гнев светлейшего и самого царя, советует: «Давай письменную ведомость, сколь часто можешь, ко князю (Меншикову. – С.Е.) о строение городовом, коликое ево прибудет, також бы о состоянии о городе государева и княжова двора»⁷⁰.

К начальнику артиллерии постоянно обращались за помощью, искали его дружеского расположения. Адмирал-тейц-советник А.В. Кикин назвал Якова Вилимовича в письме «милостивым и верным другом»⁷¹. Князь А.И. Волконский просит о заступничестве «ежели о мне будут какия слова говорить»⁷². Ф.Ю. Ромодановский обращается к Я.В. Брюсу с просьбой похлопотать о назначении сына полковником⁷³. «В правде моей не оставь мя»⁷⁴, – пишет Якову Вилимовичу обер-инспектор Ратуши А.А. Курбатов. «Инде же мое, за что стражду, не обретаю, но оглашен чрез ненавидящих правду», – продолжает он. В ответном письме Я.В. Брюс осторожно советует болтливому обер-инспектору поменьше вести откровенные разговоры в разных компаниях, особенно, где говорят об А.Д. Меншикове. «Мы здесь воистинно без вашей милости с скуке и якобы в унынии пребываем, потому что сойтитца не с кем»⁷⁵, – пишет Брюсу русский посол в Польше дьяк Емельян Украинцев.

Выполнял Я.В. Брюс и поручения новой государыни Екатерины Алексеевны. Кабинет-секретарь А.В. Макаров от лица царицы просил начальника артиллерии сыскать в Гданьске «вещей надобных для убору женского, а имянно хороших лент, руковиц, кружав деланных и кружав на новую маниру фантажет»⁷⁶.

Благодаря дружеским связям с царским фаворитом, расположению государя, а также личным качествам влияние Я.В. Брюса росло. К нему стали обращаться с просьбами замолвить словечко перед Меншиковым или самим Петром I. Иногда просто старались напомнить о себе добрым словом, спросить о здоровье, выказать дружеские чувства.

Заслуженный ветеран, престарелый и больной полковник Н.Н. Балк просил исходатайствовать себе назначение в какой-нибудь город в коменданты. «Приволокся я из Митавы к Москве... По се время мне пределу никакова нет, ни жалованья, ни отпуску к месту», – жаловался он. Первоначально Ф.А. Головин хотел отправить Балка на службу в Кольский острог. Однако Брюсу удалось замолвить о полковнике словечко. «О зимовье твоём и о болезни, которою твоя милость ныне одержим, говорил я губернатору Александру Даниловичу (Меншикову. – С.Е.). И Александр Данилович изволил милость свою явить и сказал, чтоб освидетельствовал у господина Федора Алексеича (Головина. – С.Е.), нет ли каких <...> городех порозжего города. И по оной <...> Федор Алексеич мне явил о Кольском остроге и <...> город зело учинился быть непотребен, понеже, что он в дальности. А после того, как [я улучил], видел Федора Алексеича у Александра Даниловича, и по оному еще говорил. И в то время он изволил сказать, хотя и ныне выслать, милости твоей быть в Чернигове или Нежине комендантом». Брюс даже помог поселить жену и дочь Балка, выделив им двор⁷⁷.

За помощью к Я.В. Брюсу неоднократно обращался генерал Н.И. Репнин. Генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин писал Якову Вилимовичу: «Пожалуй, мой милостивый, во всяких приключаящихся о мне случаях не остави меня во благоденствии милости своей, за что долженствую милости твоей служение мое отдавати»⁷⁸. Обер-комиссар Ратуши и царский «прибыльщик» Алексей Курбатов просил Брюса исходатайствовать ему пожалование «изменничих деревень циклеровских и соковнинских»⁷⁹.

Следует отметить, что Я.В. Брюс старался оказать в меру своих сил и возможностей поддержку просителям. Когда же он понимал, что его вмешательство бесполезно, то советовал корреспонденту лично обратиться к государю или князю Меншикову.

В то же время Яков Вилимович был равноудален от всех придворных группировок и старался не ввязываться в конфликтные ситуации. В одном из писем он стал опрометчиво поучать князя-кесаря Ромодановского, как правильно заготавливать лес⁸⁰. Федор Юрьевич обиделся, и Брюс поспешил сгладить ситуацию: «И я тебе, государю, о оном (лесе. – С.Е.) никогда с пенями не писывал, и помышления моего о том не было, чтобы мне тебя, государя, чем прогневить, кроме того, что всегда тебя, государя, прославляю»⁸¹.

Памятуя о том, что «маленькие подарки скрепляют большую дружбу», Я.В. Брюс не забывал сделать «презенты» нужным людям.

В 1707 г. всеильный князь-кесерь Ф.Ю. Ромодановский был потеснен в своих полномочиях московским комендантом М.П. Гагариным, в компетенцию которого попала и московская артиллерия. В подарок Гагарину начальник артиллерии послал венгерского вина, самого высокого качества, «что и во всей Польше лутчи оно не сыскано»⁸². Однако не забыл Брюс и о князе-кесаре. Тот получил от Якова Вилимовича «терочку табашную», а затем «пищаль шведского полону»⁸³.

Генерал Н.И. Репнин был удовлетворен соболями, часами, а также ведром водки⁸⁴. Столько же хмельного напитка было послано в подарок генералу князю М.М. Голицыну. Оба военачальника по достоинству оценили горячительный напиток и через А. Зыбина били челом Брюсу за подношение⁸⁵. Дьяк Н.П. Павлов получил в подарок от своего начальника серебряную уздечку⁸⁶.

Несмотря на массу каждодневных и очень важных дел, связанных с пребыванием на войне, Я.В. Брюс не оставлял своих научных занятий. Он продолжал разрабатывать конструкции различных зарядных камер для гаубиц и мортир, рассчитывая наиболее рациональный вес порохового заряда. «Что принадлежит масштаба, – писал он Петру I, – и я оной сделал токмо цилиндрические камеры вымерять. А ежели иная какая явится, то надлежит оную во цилиндрическую превратить. И тем масштабом вымерять таким обычаем, како описание при том масштабе положенное являет. Ежели Ваше Величество да не имеет порохового масштаба, которым вымеряется колико пороха в бомбу, також и в сферическую камеру входит, и я такой в тот час сделаю и пришло к Вашему Величеству»⁸⁷.

В другом письме Петру I – начальник артиллерии писал: «При сем до Вашего Величества послал я два образца о превращение камеров. Един, как из цилиндрической сделать, коносферическую, а другой како из коносферической сделать цилиндрическую, обе по масштабах, а каким такую пропо[цию], как Ваше Величество, мне изволили чертеж пожаловать. А каким правилом сие доли сыскивать, о том надлежит зело пространно писать. Того ради ныне оное оставлю до того время, как Бог мне счастья даст очи вашего величества видети»⁸⁸.

В октябре 1707 г. Я.В. Брюс посылает государю «фонтанную трость» («которую изволили у меня в квартире видеть, будучи в Варшаве») и пытается уговорить поступить на русскую службу мастера, ее изготовившего⁸⁹.

По распоряжению царя Я.В. Брюс занимается переводом на русский язык книги «Приемы циркуля и линейки или избраннейшее начало во математических искусствах». По завершении перевода Брюс намеревался лично привезти книгу Петру I. Однако, судя по письму А.Д. Меншикову, Яков Вилимович не смог лично вручить рукопись государю и послал перевод книги с почтой в декабре 1707 г.⁹⁰

Вероятно, для работы над переводом начальник артиллерии попросил Н.П. Павлова прислать ему «на латынском и словенском и греческом языках Алексикон (Лексикон – словарь. – С.Е.)»⁹¹.

По окончании этой работы Я.В. Брюс планировал приступить к переводу книги И.З. Бухнера «Учение и практика артиллерии» («також и книгу Бухнерову, по переводе вышеписаной, исправлять буду») ⁹². В 1708 г. Я.В. Брюс закончил перевод «брауновой артиллерии»⁹³.

По поводу некоей «математической книги», присланной ему Петром, Брюс высказался, что «та изрядная, только от части узловата есть, а писано в оной об оптике, или зрительном художестве, отчасти о астрономии, також о хронологии, то есть о время ведание, и пространно о гномонике или о делание солнечных часов»⁹⁴.

Не забывал Я.В. Брюс и о своих астрономических занятиях. Он просил Н.П. Павлова прислать ему «трубу зрительную, буде не сыщешь большую, малую б хотя».

«Зрительная трубка» была приобретена для Брюса за 1 рубль 1 алтын и 5 копеек у армян, которые заверили, что она английской работы («а сказывают, что она аглинская») ⁹⁵.

В декабре 1707 г. царь поручил Я.В. Брюсу рассмотреть и внести исправления и дополнения в проект герба генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. И с этим поручением будущий генерал-фельдцейхмейстер успешно справился, показав себя сведущим специалистом в области европейской геральдики.

«В гербе я токмо цветы, которых много разных было в полях, – писал Я.В. Брюс, – да едину из фигур переменял, а именно, поставлен был корабль белый в желтом поле. И понеже белое значит також серебро, а желтое золото, которые оба металла суть. А по искусству геральдическому не надлежит в гербе метал на метал ставить, кроме украшения около гербов, в чем силы нет. Того ради я желтое поле отставил и написал таков же серебряной корабль в синем поле. Також отставил я вишневое поле, на котором был якорь поставлен, а написал я он в таком же поле, как и корабль, потому что якорь х кораблю належит. Також и для регулярства, понеже сие оба поля накось в прямой лине стоят. Сверх того редко употребляется вишневый цвет в гербах, потому что оной цвет якобы неестествен сам в себе, но сочинен из красного и синего цвета. Из фигур переменял я звезду, понеже оных никогда в правильных гербах употребляют, кроме того, что под старшим другой молодежй брат одное фамилии, таким знаком отделяется и ставится оной знак при других фигурах и то неподлинно такую звездою, яко сия о семи лучах. Но употребляется о пяти субцах, которые называют колесцом из сапожной остроги. Того ради я такое острожное колесцо о пяти субцах написал, а вовсе онаго оставить не посмел, потому что не ведал какую фигуру без воли Вашего Величества, вместо того написать. А поставил я оною в красном поле для того, что против ее накось стоящая фигура в таком же поле. Також разделил я щит главнейшей золотым, а не серебряным крестом (ибо оный вящею честь являет) яко Ваше Величество из рисунка лучшей [ви]деть может»⁹⁶.

Как следует из письма, Яков Вилимович выступил и в качестве рисовальщика, послав царю рисунок-эскиз герба.

По мере возможности Брюс продолжал вникать в дела подчиненной ему Гражданской типографии в Москве. В июльском (1707 г.) письме заведующему типографией В.О. Киприянову он приказал прислать по несколько экземпляров каждой из напечатанных гравюр. С «образовых» (ненапечатанных) необходимо было сделать «абрисы для лутчего исправления» и также направить их начальнику артиллерии⁹⁷.

Для ученых занятий Я.В. Брюс просил прислать из Москвы различные инструменты. «Циркули я получил, из которых прямой циркуль сделан нарочито, а кривой плох и жидок в ношках, от того что оные зделаны круглыя, а надлежало было зделать плоския. А какой пропорцией ныне зделать, и о том при том письме послан образец. И вы извольте приказать зделать длиною против прежнего, и кончики велеть зделать кривыя заостренныя, и над ушке, на одной стороне велеть зделать английския дюймы, а на другой стороне русские вершки»⁹⁸, – писал он в Приказ артиллерии А. Зыбину.

В июле 1713 г. через П.И. Ягужинского царь передал Я.В. Брюсу поручение изготовить «зажигательное зеркало деревянное»⁹⁹ (вероятно, для зажигания деревянных объектов на расстоянии, подобно знаменитому зеркалу Архимеда).

По поручению государя Я.В. Брюс распорядился приобрести в Нюрнберге «модель саду версальского» и «зрительные трубки»¹⁰⁰.

В другом письме начальник артиллерии сообщал Петру I: «При сем письме послал я Вашему Величеству секрет, который куплен в Ниренберге и прислан ко мне за 50 гульденов цесарских, а имянно, каким обычаем сталь топить и лить, потом оную ковать и употреблять во всякий инструмент, а почитается оная добротой против италийской стали во Милане»¹⁰¹.

Царь присылал своему ученому сподвижнику первые отпечатанные в России «гражданские» издания. Так, в 1708 г. Петр I отправил Брюсу «вновь напечатанную... книжицу о комплиментах». В ответ Яков Вилимович писал: «Получил я немалую радость, не токмо ради того, что оная так преизрядно напечатана, что едва ль возможно латынскими мастерами оная напечатать, но и ради оной надобности, понеже будет многим в пользу»¹⁰².

В переписке Я.В. Брюс предстает перед нами не только как выдающийся военачальник, организатор и реформатор артиллерии, но и как заботливый и любящий супруг, рачительный хозяин, человек не чуждый современной ему моде, стремящийся скрасить суровые походные будни удобными и практичными вещами. Кроме того мы видим Я.В. Брюса – исследователя, не оставляющего своих ученых занятий даже в военное время.

В общении с «птенцами гнезда Петрова» Яков Вилимович выглядит «политичным» человеком, умеющим отстаивать как свои собственные интересы, так и интересы своего ведомства, а также близких ему людей. При этом он использует не столько грубый нажим, сколько пути дипломатического воздействия и рычаги влияния в ближайшем окружении Петра I.

В целом письма Я.В. Брюса за 1704–1714 гг. существенно дополняют наши представления о повседневной жизни крупного военного и государственного деятеля петровского времени, одного из самых ближайших сподвижников царя-реформатора.

¹ О Я.В. Брюсе существует обширная историческая литература. См., например: Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. I. С. 147–153; Забелин И.Е. Библиотека и кабинет графа Я.В. Брюса // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н.С. Тихонравовым. М., 1859. Т. I. С. 28–62; Хмыров М.Д. Главные начальники русской артиллерии: Второй генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Вилимович Брюс (1704–1726) // Артиллерийский журнал. 1866. № 2. С. 81–136; № 3. С. 153–194; № 4. С. 249–291; История отечественной артиллерии. М., 1960. Т. 1. Кн. 2; Хлебников Л.М. «Русский Фауст» // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 195–200; Синдеев В.В., Ерофеева А.Ф. 1) Усадьба Глинки и ее владелец // Памятники Отечества. 1989. № 2. С. 68–75; 2) Яков Вилимович Брюс: Материалы к биографии // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук. 1990. СПб., 1994. С. 211–226; Савельева Е.А. История в жизни и трудах Я.В. Брюса // Там же. С. 226–240; Полицук А.С. Герб графа Якова Вилимовича Брюса // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1995. Вып. 5. С. 31–35; Колкина И.Н. Яков Вилимович Брюс // Павленко Н.И., Дроздова О.Ю., Колкина И.Н. Соратники Петра. М., 2001; Филимон А.Н. Яков Брюс. М., 2003; Кайдышев С.В. Род Брюсов и памятники московского зодчества / / «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2004. Ч. I. С. 69–70; Краснов А.А. Три дворца Я.В. Брюса // Там же. С. 71–73; Славнитский Н.Р. Яков Вилимович Брюс – руководитель русской осадной артиллерии в годы Северной войны // Там же. С. 97–102; Ефимов С.В., Маковская Л.К. Яков Брюс в начале Северной войны (по материалам Походной артиллерийской канцелярии 1704–1705 гг.) // Там же. Ч. II. С. 16–31; Юркин И.Н. К истории Берг-коллегии в 1720–1722 гг. (Несколько документов с автографами Я.В. Брюса) // Там же. С. 99–102; Постнов О.Г. Образ Я.В. Брюса в русской литературной традиции XX столетия // Там же. С. 103–108.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. № 9. Л. 179 об.

³ Там же. Л. 264–264 об.

⁴ Там же. Л. 52.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 10 об.

⁷ Там же. Л. 402, 404, 411 и др.

⁸ Там же. № 6. Л. 131.

⁹ Там же. № 33. Л. 458.

¹⁰ Там же. Л. 742.

¹¹ Там же. № 33. Л. 703, 743, 774; № 131. Л. 381.

¹² Там же. № 131. Л. 101.

¹³ Там же. № 147. Л. 17 об.–18, 23, 25.

¹⁴ Там же. № 33. Л. 200.

¹⁵ Там же. Л. 200 об.

¹⁶ Там же. № 38. Л. 61.

¹⁷ Там же. № 6. Л. 191 об.

¹⁸ Там же. Л. 192.

¹⁹ Там же. Л. 188 об.

²⁰ Там же. Л. 247 об.

²¹ Там же. № 6. Л. 253.

²² Bruce P.H. Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain: Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West-Indies... London, 1782. P. 35.

²³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. № 131. Л. 381.

²⁴ Там же. Л. 381.

²⁵ Там же. № 147. Л. 146, 148.

²⁶ Там же. № 6. Л. 410.

²⁷ Там же. № 33. Л. 656, 738 об., 774.

²⁸ Там же. № 33. Л. 784.

²⁹ Там же. Л. 421.

³⁰ Там же. Л. 777.

³¹ Там же. Л. 762.

³² Там же. Л. 679.

³³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VII. Пг., 1917. С. 755; Документы относящиеся к деятельности фельдмаршала графа Б.П. Шереметева // Сб. РИО. Т. 25. С. 115.

³⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. № 38. Л. 576.

³⁵ Там же. Л. 635.

³⁶ Там же. № 131. Л. 348, 377; № 38. Л. 274–274 об., 275.

³⁷ Там же. № 38. Л. 304 об.

³⁸ Там же. № 6. Л. 192 об.

³⁹ Брюс Р.В., Брюс Я.В. [Из переписки. 1712 г.] // Русская старина. 1890. Т. 66. № 5. С. 347–350. – В ст.: Струков Д.П. Штуденты – домашние наставники в 1712 г.

⁴⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 95/2. № 27. Л. 9; Ф. 2. Оп. 1. № 38. Л. 586.

⁴¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. № 147. Л. 62.

⁴² Там же. Л. 287.

⁴³ Там же. № 9. Л. 258 об.–259.

⁴⁴ Там же. № 6. Л. 186–186 об.

- ⁴⁵ Там же. Л. 188.
⁴⁶ Там же. Л. 192–192 об.
⁴⁷ Там же. Л. 187.
⁴⁸ Там же. Л. 188–188 об.
⁴⁹ Там же. № 9. Л. 26–26 об.
⁵⁰ Там же. Л. 278.
⁵¹ Там же. Л. 278 об. 264–264 об.
⁵² Там же. Л. 153–153 об.
⁵³ Там же. № 6. Л. 228.
⁵⁴ Там же. Л. 250–251.
⁵⁵ Там же. Л. 247 об.
⁵⁶ Там же. Л. 251.
⁵⁷ Там же. № 33. Л. 418–419 об.
⁵⁸ Там же. № 6. Л. 253 об.–254.
⁵⁹ Там же. № 9. Л. 180–180 об.
⁶⁰ Там же. Л. 153.
⁶¹ Там же. Л. 296.
⁶² Там же. Л. 30.
⁶³ Там же. Л. 32.
⁶⁴ Там же. Л. 35.
⁶⁵ Там же. Л. 26–26 об.
⁶⁶ Там же. № 38. Л. 33–34 об, 426–426 об.
⁶⁷ Там же. Л. 12.
⁶⁸ Там же. № 33. Л. 35.
⁶⁹ Там же. Л. 577.
⁷⁰ Там же. Л. 224.
⁷¹ Там же. Л. 456.
⁷² Там же. Л. 264.
⁷³ Там же. Л. 223–224.
⁷⁴ Там же. Л. 349, 353 об.
⁷⁵ Там же. Л. 368.
⁷⁶ Там же. № 131. Л. 16.
⁷⁷ Там же. № 9. Л. 291, 293, 294.
⁷⁸ Там же. Л. 147.
⁷⁹ Там же. Л. 107 об.
⁸⁰ Там же. Л. 76.
⁸¹ Там же. Л. 89.
⁸² Там же. № 33. Л. 257.
⁸³ Там же. № 9. Л. 52; № 38. Л. 306.
⁸⁴ Там же. № 9. Л. 296 об.
⁸⁵ Там же.
⁸⁶ Там же. Л. 217 об.
⁸⁷ Там же. № 33. Л. 11–11 об.
⁸⁸ Там же. Л. 9–9 об.
⁸⁹ Там же. Л. 9 об.–10.
⁹⁰ Там же. Л. 2–2 об., 55.
⁹¹ Там же. Л. 783.
⁹² Там же. Л. 7.
⁹³ Там же. № 38. Л. 4 об.
⁹⁴ Там же. № 9. Л. 7.
⁹⁵ Там же. Л. 544.
⁹⁶ Там же. Л. 16–16 об.
⁹⁷ Там же. Л. 550–552 об.
⁹⁸ Там же. № 131. Л. 434.
⁹⁹ Там же. № 147. Л. 66 об.
¹⁰⁰ Там же. № 147. Л. 71 об.
¹⁰¹ Там же. Л. 71–71 об.
¹⁰² Там же. № 38. Л. 4.